

Ю.А. Щербакова

ПРАЖСКАЯ ВЕСНА 1968 г. И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

В календаре исторических событий месяц август отмечен феноменом «Пражской весны», когда в одной из стран социализма - Чехословакии - попытки его реформирования были подавлены в результате вторжения на ее территорию войск Варшавского договора. Современные российские исследователи в своем большинстве единодушны в оценке влияния чехословацких событий на общественное развитие в СССР. В августе 2008 г. «Левада-центр» опубликовал данные социологического опроса: «Пражская весна 1968 года: несет ли Россия ответственность за события сорокалетней давности?»¹

От половины до двух третей жителей России вообще ничего не знали о чехословацких событиях, а мнения тех, кто знал, до сих пор сильно расходятся. В массовом сознании в СССР, насколько можно судить сегодня по данным опросов, чешские события были восприняты как совершенно неожиданный, а потому труднообъяснимый (с точки зрения положения дел в самом Советском Союзе) взрыв массовых протестов и недовольства. После краткого периода растерянности властей советская пропаганда задала тональный горизонт понимания этих процессов. Они были преподнесены как направленные не просто против социализма и коммунистического руководства в ЧССР, но против всей советской системы, то есть против Советского Союза и его сателлитов, а стало быть, против русских, «в 1945 году освободивших Чехословакию от фашизма». Тем самым стрелки предполагаемой агрессии переводились со специфики советского режима на СССР как страну, символически представленную в массовом сознании в качестве крепости, осажденной со всех сторон врагами. Благодаря этому производилась (или восстанавливалась) мгновенная идентификация населения с советской властью, с режимом - оппозиция «своих» против «чужих». Более половины (57%) из этих «осведомленных» - люди предпенсионного и пенсионного возраста, то есть те, кто старше 55 лет. Чем моложе опрошенные, тем меньше они знают о Пражской весне: среди 40-50-летних таких «информированных» лишь 30%, среди 25-30-летних - 12%, а совсем молодые (от 18 до 24 лет) не знают об этом практически ничего (0,7%). Для поколения 40-50-летних главным источником сведений и интерпретаций, касающихся этой темы, были СМИ времен перестройки - периода ожесточенной критики советской системы, а также рассказы старших. Для самых молодых - лишь препарированные схемы учебников, не вызывающие какого-либо заинтересованного

---

¹Гудков Л.Д. Пражская весна 1968 года в оценках российского общества (сорок лет спустя)// Неприкосновенный запас – М. 2008, -№4. – С. 142 – 150.

отношения. Отношение к вводу советских войск в Чехословакию оценивается также очень по-разному. Официальную версию вторжения (мнение, что ввод войск был ответом советского руководства на просьбу «здоровых сил» в руководстве тогдашней ЧССР) разделяет сегодня только пятая часть опрошенных. Несколько чаще указывается на то, что это была акция «подавления народного движения против социализма» и «устрашение потенциальных противников СССР и коммунистической власти в других странах соцлагеря». Такой вариант объяснения приводит каждый третий из «информированных» опрошенных. Но наиболее частый ответ (в котором просматривается неуклюжая попытка оправдания советского руководства) сводится к следующему: «Это была попытка любыми средствами сохранить Чехословакию в составе соцлагеря».

В целом, общественное мнение нынешней России оказывается несостоятельным, сталкиваясь с необходимостью дать конечную оценку событиям и деятелям Пражской весны. Даже представители самой большой группы, тех, кто считает себя достаточно компетентными в проблемах 1968 года, затрудняются ответить на вопрос, какое влияние оказали пражские события на жизнь населения ЧССР (15% всех опрошенных). Еще 6% сказали, что «никакого», 13% полагают, что влияние было «негативным», и 11% настаивают на его положительном значении для будущего Чехии и Словакии (различия между крайними позициями очень незначительны). Но те же опрошенные, причем в явном большинстве, вступая в противоречие с прежними своими высказываниями, считают, что для судьбы социалистических идей и самой идеологии социализма подавление чешского движения за свободу и реформы оказалось смертельным или, по меньшей мере, крайне негативным. Такое мнение высказывается в три раза чаще, чем любое иное. Число его сторонников в три-четыре раза превосходит число тех, кто считает, что военная интервенция, чистки и репрессии никак не отозвались на последователях социализма.

Материал, собранный известным российским специалистом Г.П. Мурашко, и проанализированный в статье², позволяет автору утверждать, что еще до начала чехословацких событий в СССР обозначились достаточно отчетливо существенные расхождения между линией ЦК КПСС, взявшего с осени 1966 г. курс на ресталинизацию, и настроениями той части интеллигенции, которая такого курса не разделяла. Эти расхождения начали интенсивно нарастать под влиянием развития ситуации в Чехословакии. Прозвучавшую летом 1966 г. на XIII съезде КПЧ критику политики, проводимой А. Новотным, руководство КПСС во главе с Л.И. Брежневым восприняло как ясный сигнал, в каком на-

---

² Мурашко Г.П. «Пражская весна» и советская интеллигенция: к вопросу о формировании «внутрисистемной оппозиции» неосталинизму. // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива). – М., 2011. – С. 389 – 436.

правлении может пойти дальнейшее развитие в СССР. Г.П. Мурашко приводит свидетельства из мемуаров А. Бовина, который вспоминал, что Л. И. Брежнев, вернувшись из Праги, опасался, что атаки идут не только на А. Новотного, а затрагивают вопросы свободы, демократии, либерализации. «Нам и себя огрadyть надо»³. Последняя фраза, по ее мнению, является ключевой для понимания отношения правящей группировки в ЦК КПСС к идее реформирования существующего режима как внутри страны, так и за ее пределами.

Многие представители советской интеллигенции следили за процессом чехословацких реформ конца 60-ых годов с симпатией и надеждой на их продолжение, которое могло, как тогда им представлялось, оказаться полезным для дальнейшего развития и «гуманизации» социалистического, коммунистического проекта в целом. Выявленные в процессе работы над данной статьей документы из фондов РГАНИ дают Г. П. Мурашко основания говорить о том, что сходные с чехословацкими политические настроения стали нарастать среди той части советской интеллигенции, которая не принимала поворота к неосталинизму. Ведущую роль в данном процессе автор отводит А.Д. Сахарову, который «под прямым влиянием чехословацких событий»⁴ обратился к рассмотрению проблемы роли интеллигенции в современном обществе. Взгляды, близкие к сахаровским, стали распространяться среди сотрудников научно-исследовательских институтов, как в Москве, так и в «научоградах», расположенных вокруг столицы (Обнинск, Фрязино и др.). Автор считает, что «развитие демократической общественной мысли в СССР шло в это время в том направлении, что и в Чехословакии»⁵. «Здесь и там в рамках социализма как общественного строя происходил поиск иной, не тоталитарной его модели, способной обеспечить адекватный ответ на вызовы научно-технической революции. Но разница в конкретной ситуации заключалась в том, что в Чехословакии настроения интеллектуалов, проявившиеся еще в первой половине 1960-х гг., были поддержаны частью политической элиты, которая возглавила реформаторское движение в стране. В СССР же аналогичные настроения не находили сколько-нибудь реальной поддержки в «верхних этажах» номенклатуры»⁶.

С введением войск Варшавского договора на территорию Чехословакии для демократической части интеллигенции стало очевидным желание руководства ЦК КПСС, возглавляемого Л.И. Брежневым, любой ценой сохранить тоталитарную модель социализма. Началось отмежевание демократической ин-

---

³ Там же. – С. 399.

⁴ Мурашко Г.П. Указ. соч. – С. 402

⁵ Там же. – С.404

⁶ Там же

теллигенции, воспринявшей идею «социализма с человеческим лицом», от правящего режима⁷.

Если обратиться к центральным газетам и, в первую очередь, к «Правде» за 1968 г., нельзя не заметить, пишет Г.П. Мурашко, что на протяжении всех восьми месяцев, предшествовавших вводу войск, освещение ситуации в ЧССР было весьма сжатым, не раскрывавшим сущности развивающихся в этой стране процессов. Постепенно общественное мнение подготавливалось к восприятию перемен в Чехословакии как «угрозы контрреволюции»⁸. После введения войск в ЧССР началась другая кампания – проведение партийных собраний в низовых парторганизациях, на которых открытым голосованием, в нарушении принципа демократии, коммунисты должны были продемонстрировать поддержку военной акции. Несогласным угрожали исключением из партии, увольнением с работы. Таким образом, обеспечивалась видимость «массовой» поддержки ввода войск в Чехословакию.

С выводами, содержащимся в статье Г.П. Мурашко, перекликаются наблюдения известного журналиста Л.И. Шинкарева⁹. Описывая общественно-политическую атмосферу лета 1968 г., Шинкарев отмечает, что в год Пражской весны Брежнев колебался под напором политических сил, с разных сторон, наседавших на него, требовавших от него решения. «В обществе вызревали тревожные процессы, материализованные в письмах интеллигенции, в том числе деятелей культуры, бравших под защиту людей, осужденных властью за инакомыслие. Власти вскипали от дерзких по тону писем, от их трудноуловимой, но несомненной связи с Пражской весной. Кремлевские идеологи, отмечает автор, хватались за любой предлог, чтобы пробудить в народе неприязнь к пражским реформаторам, к чехам и словакам, сторонникам перемен.

Л.И. Шинкарев, который жил и работал в Сибири, пишет, что у большинства иркутян повышенного интереса к чехословацким событиям не наблюдалось. «Усталые, затурканные люди, раздраженные своей унижительной жизнью, не слишком интересовались мировыми событиями; по горло хватало хлопот – как устоять в многолетней очереди на жилье, где достать румынскую, мебель, польский костюм, чешскую обувь и раздобыть к празднику хотя бы банку латвийских шпротов. А политикой пусть занимаются власти, они знают, что делают»¹⁰. По его мнению, только интеллигенция следила за событиями с

---

⁷ Мурашко Г.П. Указ. соч.

⁸ Там же. – С. 408

⁹ Шинкарев Л.И. Я это все почти забыл...: Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году. – М., 2008. – 447 с.

¹⁰ Шинкарев Л.И. Указ. соч. – С.95

явным к чехам сочувствием. «Пражским реформаторам многие желали удачи, надеясь получить толчок хоть к каким-нибудь переменам у нас»¹¹.

В высших сферах власти, по мнению Л.И. Шинкарева, создавались мифы о соседних народах, которые укоренялись в общественное сознание. «Это была идущая от имперских притязаний проповедь разобщения и неуважения к чужакам. ... Оцепенение и постоянный внутренний страх компенсировались внушаемым комплексом старшего брата, первого среди равных, вынужденного нести, как тяжкий груз, цивилизаторскую миссию соседям, забывшим, кто их освободил. ... Эти установки из коридоров власти питали агрессивный шовинизм политических кругов»¹².

И, тем не менее, среди ответственных сотрудников партийного аппарата были и такие, которые не поддерживали идею вторжения. Но единственная возможность для них обозначить свою позицию – прямо в подготовке вторжения не участвовать. «Свое неучастие, иногда невольное, многими потом воспринималось как форма протеста»¹³.

В Москве 21 августа 1968 года прошло девять тысяч собраний, присутствовали около миллиона, выступили тридцать тысяч. Почти все заявили о «полной поддержке практических действий партии и правительства». «Для представления о фактических умонастроениях в обществе важно это «почти». Опержая на четыре дня семерку, вышедшую на Красную площадь, смельчаки, ни в каких группах не состоявшие, публично заявляли о несогласии с вводом войск. Они не попадали в центр внимания мировой общественности, оставались безвестны, и только в секретных архивах остались их имена»¹⁴.

У советской интеллигенции, пишет автор, отношение к чехословацким событиям было разным. «К одним в очередной раз пришло чувство брезгливости, стыда, нежелание иметь с этой акцией, с затеявшими ее, ничего общего»¹⁵. А писатели, которых принято называть «официальными», чувства негодования против пражских реформаторов выражали в публицистике, чаще всего в «Литературной газете», ставя свои подписи под коллективными обращения к чехословацким писателям, поучая их как надо жить¹⁶.

---

¹¹ Там же.

¹² Там же. – С. 101

¹³ Шинкарев Л.И. Указ соч. – С. 181

¹⁴ Там же. – С. 286

¹⁵ Там же. – С. 291

¹⁶ Там же. – С. 292

Чешский исследователь Томаш Гланц¹⁷, также как и российские ученые (Г. П. Мурашко, Л.И. Шинкарев), считает, что летом 1968 года часть населения СССР поверила советской пропаганде, обличавшей возрастание деструктивных антисоциалистических сил в Чехословакии и опасность со стороны НАТО. Часть населения этой пропаганде не поверила и переживала за судьбу Чехословакии. Так же как и Г.П. Мурашко и Л.И. Шинкарев, чешский автор высказывает мнение, что в основном эти люди считали, что реформы в Чехословакии постепенно могли бы привести к распространению «человеческого лица» социализма и на Советский Союз. К оккупации, начавшейся 21 августа 1968 года, они относились отрицательно, как к ошибке, и прежде всего как к удару по собственным надеждам. «Практически каждый мыслящий гражданин России (ситуация в других советских республиках требовала бы особого рассмотрения), родившийся в середине 1950-х или раньше, как правило, помнит до мельчайших деталей, как он провел 21 августа 1968 года — и в подавляющем большинстве случаев считает этот день важным или переломным для своего отношения к советской системе¹⁸.

Об акциях протеста противников оккупации стало известно значительно больше в 2008 году, когда пражский Институт по изучению тоталитарных режимов издал описание многочисленных случаев протеста в Советском Союзе и других странах советского блока, до сих пор остававшихся в тени «главной» демонстрации перед Кремлем. Но преследованиям подвергались в этой связи люди со всего СССР, критикующие ввод войск. В Интернете сегодня размещен список людей, преследовавшихся советской властью за выражение несогласия с оккупацией Чехословакии.

Носителем эмоций, относящихся к вводу советских войск в Чехословакию, стали многочисленные стихотворения, дневниковые записи и письма, в которых повторяется мотив позора и стыда, измены, разочарования. Выражением пассивного сопротивления был отказ поставить свою подпись — так поступили, например, Константин Симонов, Александр Твардовский, композитор и муж Майи Плисецкой, Родион Щедрин, Людмила Улицкая.

Режим шока, отмечают авторы, изучающие феномен Пражской весны, не мог быть длительным. В первой половине 1970-х годов протестный потенциал в СССР, по их наблюдениям, был практически исчерпан. После большой волны

---

¹⁷ Гланц Т. Позор. О восприятии ввода войск в Чехословакию в литературных и гуманитарных кругах. // Новое литературное обозрение. - №11, 2011, - Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/gl9.html#top>

¹⁸ Гланц Т. Позор. О восприятии ввода войск в Чехословакию в литературных и гуманитарных кругах. // Новое литературное обозрение. - №11, 2011, - Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/gl9.html#top>

эмиграции из ЧССР, замечает Т. Гланц, складывается целая система чехословацкого самиздата, развивается нелегальная концертная деятельность. Одним из итогов деятельности этих разнообразных формирований стали аресты, предшествующие манифесту «Хартия 77». За редкими исключениями, практически никто в России всем этим в то время не интересовался. Не переводились даже самые широко известные авторы, произведения которых выходили в многих странах, — Вацлав Гавел, Иван Клима, Людвик Вацулик, Ян Патоčka.

Для «Вишеградской Европы», 1 августа 2015 г.